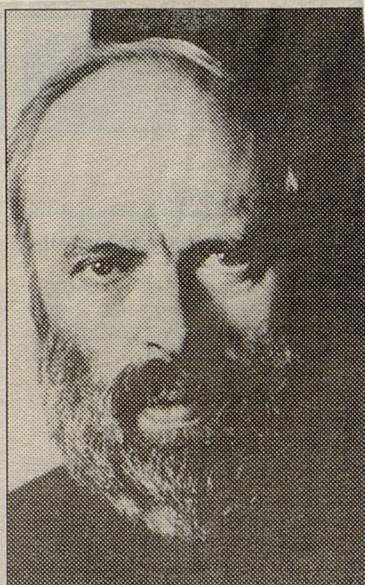

Наш собеседник - Владимир Корнилов, замечательный русский поэт, долгое время существовал вне официальной литературы. За подписью под письмом в защиту академика Сахарова его исключили из Союза писателей СССР, перестали печатать на родине. Корнилов печатался на Западе. Он жил и до сих пор живет в Москве

Живется трудно, а пишется хорошо

Киев, март - 1998. - 29 июня. - с. 11.

- Володя, как вам живется сегодня?

- Сразу не ответишь. Как всем, трудно. Живется трудно, а пишется не то что легко, но много. Я больше жалею других людей, которым совсем плохо. Я получаю пенсию, что-то печатаю, жена работает. Как-то сводим концы с концами.

- Вы, по-моему, всегда жили трудно. Вы ведь не входили в любой привечаемых властью поэтов, а совсем наоборот?

- Ну, власть - отдельно, я - отдельно. Мне кажется, что надо вообще держаться от власти подальше. Либо ее не замечать, либо как-то обходить стороной.

- Вы, наверное, меня не помните, а меня однажды привели в компанию, где были вы Виктор Некрасов, еще какие-то люди, которые находились в оппозиции к власти...

- Сахаров был? Я очень любил Сахарова и всегда с радостью с ним встречался. В добрых отношениях с его вдовой Еленой Георгиевной. Но я не могу сказать, что я из этой компании. Вообще дружба - очень сложно. Раньше мы дружили против кого-то. Это нас соединяло. А сейчас многих развело, потому что непонятно, против кого дружить. Как-то в России мы не научились дружить «за». Часто хочется кому-то позвонить, прочитать стихи, а некому. Одиночество человека остались.

- У вас есть строчки, которые я люблю: «Бога не было, Ахматова на земле тогда жила»...

- Ну, это больше о себе, чем о ней. В то время надо было какой-то идеал найти, и для меня идеалом была Ахматова. Я много с ней общался, вот так сидел, как с вами, и разговаривал так же свободно, как с вами. Может, даже еще свободнее. Как мы знаем из записок Чуковской, и Ахматова была разной. Со мной, правда, была всегда высокой. Но иногда кого-то ругала. Иногда несправедливо. Но не в этом дело. Я думаю, человека нужно судить по его высшим достижениям.

- Но все-таки она была проста, обыкновенна? Или вы все же держали дистанцию?

- Нет, дистанции не держал. С Пастернаком держал. Я с Пастернаком трижды беседовал. Я пришел к нему осенью 57-го года по делу: хотел стихи у него взять для журнала «Октябрь», в котором тогда работал. И от растерянности назвал его Леонид Борисович. Он улыбнулся, ему это понравилось, хотя состояние у него было очень тяжелое. Это было, как раз когда «Доктор Живаго» был напечатан на Западе. За год до этого я тоже был у него, тоже просил

стихи. Он тогда сказал: нет, мне сейчас неинтересно печататься, я пишу. А когда вышел «Живаго», он уже хотел напечататься, но так получилось, что мне пришлось уйти из журнала, и стихи напечатаны не были.

- Есть фотография, где вы в числе других несете гроб Пастернака. Вам не было страшно?

- Когда хоронили Пастернака, я был с моим приятелем, он говорит: главное, ты стой дальше, потому что, когда вынесут гроб, некому будет нести, так ты не бросайся туда. Там много было гэбэшников. Но, когда я увидел гроб, я бросился. Прошло двадцать минут, и мой приятель просит, чтоб я ему тоже дал подержаться... Понимаете, страх есть, а потом возникает такое чувство, что стыдно бояться. Вообще у нас страна, где стыдно бояться, люди больше хотят ухарства, удали. Боясь, а потом начинается ухарство. А кончается пугачевщиной.

- Ну и какой цивилизованный выход из этого?

- Я не знаю. Понимаете, все неправильно. Я тоже себя виню. Мне казалось, что вот разлетится этот строй коммунистический и все изменится. Это было прекрасное мечтательство. Потому что так это все быстро не наладится. Самое печальное, что гибнет интеллигенция.

- Стыдно и совестно за то, что происходит: мы не к этому звали...

- Да. Но я, честно говоря, никуда особенно не призывал. Я как человек, пишущий в рифму, считал, что нужно себя строить, внутренний свой мир. Не надо призывать, скажем, вкладывать деньги в «Чару», что делали некоторые наши собратья. А надо вести себя поприличней. Хапать не надо. Потому что имя дороже. Но было много достойных людей. Я очень уважал Булата. Его смерть, конечно, трагедия. Но ведь он остался. Можно в любой момент вспомнить песню или включить магнитофон.

- Человек чем старше становится, тем больше думает о том, как придет его последний час и с чем он к этому часу придет. Вас эти мысли посещают?

- Сейчас я пишу об этом поэму. Мне, в общем, страшно только одно: оставить жену вдовой или самому стать вдовцом. Я довольно часто лежал в реанимации, и там не страшно. Правда, когда возвращают тебя оттуда, то очень блаженное состояние. Самой смерти не боюсь. А вот разлуки боюсь.

Ольга КУЧКИНА.